

ГОРОДИЩА «ДЬЯКОВА ТИПА»: К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ

К.М. Свирин

В современной науке выделение системы признаков различных категорий археологических памятников по-прежнему остается в поле зрения исследователей. Работа в информационном поле признаков позволяет структурировать и осмысливать полученные в результате раскопок данные в новом направлении. Стимулом для данного исследования послужил анализ особой категории сооружений на городищах «дьякова типа». Эти объекты в разное время то попадали в разряд культурных и назывались «жертвенниками», то со всей категоричностью из них исключались. Анализ этих сооружений позволил нам по-новому взглянуть на городище как археологический объект и рассмотреть его в более широком контексте¹.

В 1903 г. Ю.Г. Гендуне докладывала на II областном Тверском археологическом съезде о находке загадочных сооружений на городище Топорок Корчевского уезда, на левом берегу р. Волги². Траншеями была вскрыта 1/3 городища (площадь городища – 2398 м²). В центре городища, на материке, были зафиксированы три «круга» («плиты»), два из них на расстоянии 1,3 м друг от друга. «Круги» состояли из плотно утрамбованной и обожжённой глины. Первый «круг» имел диаметр 0,6 м, толщину – 0,1 м, в центре круга была яма диаметром 0,2 м, внешние края «круга» были утолщены и приподняты. Внутри «круга», на поверхности, находились угли, зола, фрагменты керамики, шлак. В 0,15 м к западу от «круга» лежала маленькая ложечка в виде ковша со сквозным отверстием в конце ручки, рядом с ложечкой – три маленьких глиняных колокольчика грубой формы и железный нож серповидной формы. Второй «круг» продолговатой формы располагался к востоку от первого (размеры – 0,38х0,61 м, толщина – 0,1 м), края его были утолщены и приподняты, в центре – сквозное отверстие. В пределах «круга» находилась плоская глиняная птица (бляха нашивная), размерами 8,9 – 5,1 см с четырьмя сквозными отверстиями. Отломанный хвост птицы был найден недалеко к северу. Рядом с птицей были выявлены глиняные колокольчики, глиняные привески и просверленные клыки животных. К северу от «кругов» были обнаружены 57 мелких глиняных бус, небольшой сосуд баночной формы, глиняное тщательно обработанное изображение животного с обломанными ногами (по-видимому, волчицы) и «фигура» из костей коровы (размеры – 68,5х17,8 см) в грунтовой яме в комплексе с углями и золой. В непосредственной близости от «кругов» были выявлены две столбовые ямы (глубиной 0,6 м и диаметром 0,15 м), на расстоянии 1 м друг от

¹ В статье рассмотрены городища, относимые исследователями преимущественно к дьяковской культуре раннего железного века. Некоторые из упомянутых памятников относятся к днепро-двинской культуре раннего железного века, либо характеризуют раннеславянское средневековое население региона лесной зоны Восточной Европы. Сложные вопросы датировки, этнической составляющей, территориального распространения и эволюции дьяковской культуры в статье практически не затрагиваются.

² Гендуне Ю.Г. Городище Топорок Тверской губернии Корчевского уезда // Тр. II обл. твер. археолог. съезда 1903 г. – Тверь, 1906. – С. 261–275.

друга, а около ям – выкладки из булыжника и известняка. Третий глиняный «круг» (размеры 2,1x1,5x0,15 м) располагался в 16,7 м к юго-западу от первых двух «кругов». Рядом с ним были выявлены многочисленные фрагменты угля, несколько мелких костей, в том числе обожжённых, а также остатки трёх столбовых ям, расположенных полукругом вдоль северо-западного края.

Комплекс сооружений Ю.Г. Гендуне связала с жертвоприношениями, а находки (бусы, колокольчики, привески, нашивная бляха) – с шаманским костюмом. Других сооружений исследовательница либо не выявила, либо о них не упомянула. Ю.Г. Гендуне отметила особое положение городища в массиве известных памятников и отметила его связь с другими городищами «дьякова типа», а также с могильниками и городищами южных регионов и Приуралья, а по каменной форме для отливки металла из красного песчаника обратила внимание на близость городища предшествующим культурам бронзового века³.

Идея о религиозном характере подобных сооружений была подхвачена В.А. Городцовым. В 1925–1926 гг. он выявил на Старшем Каширском городище два схожих глиняных сооружения эллиптической формы с плоским дном и приподнятым краем (размеры 1,6x1,1 м; 1,42x1,06 м, ориентированы с севера на юг)⁴. В.А. Городцов впервые применил к ним термин «жертвенники». По предположению автора, сооружения находились на деревянном помосте («платформе») 4-угольной формы (размерами 5x4 м) из круглых брёвен, сверху помост был покрыт слоем глины, а по углам опирался на столбы (рис. 1). Внутри углубления «жертвенников» зафиксированы зола и угли. Под «платформой» одного из «жертвенников» были найдены два ожерелья: одно – из дорогих синих с голубоватым отливом и белыми «глазками» бус; другое – из трёх рядов глиняных бус и колокольчиков; обломки и целый миниатюрный глиняный горшочек; костяные орудия – наконечники стрел, иглы со сломанным ушком или острием, обломок шила и кости животных (в основном лошади и свиньи) со следами обработки, зуб человека (два обломка человеческих черепов были обнаружены на площадке городища).

Кроме вышеописанных сооружений, В.А. Городцов открыл на городище 22 жилища, которые он определил как «землянки» (круглые, с конической крышей), с очагом на ровном полу или в углублении, иногда обложенным камнями. Рядом с «жертвенниками» автор выявил самую большую «землянку» с бытовым инвентарем – постройку служителей культа⁵.

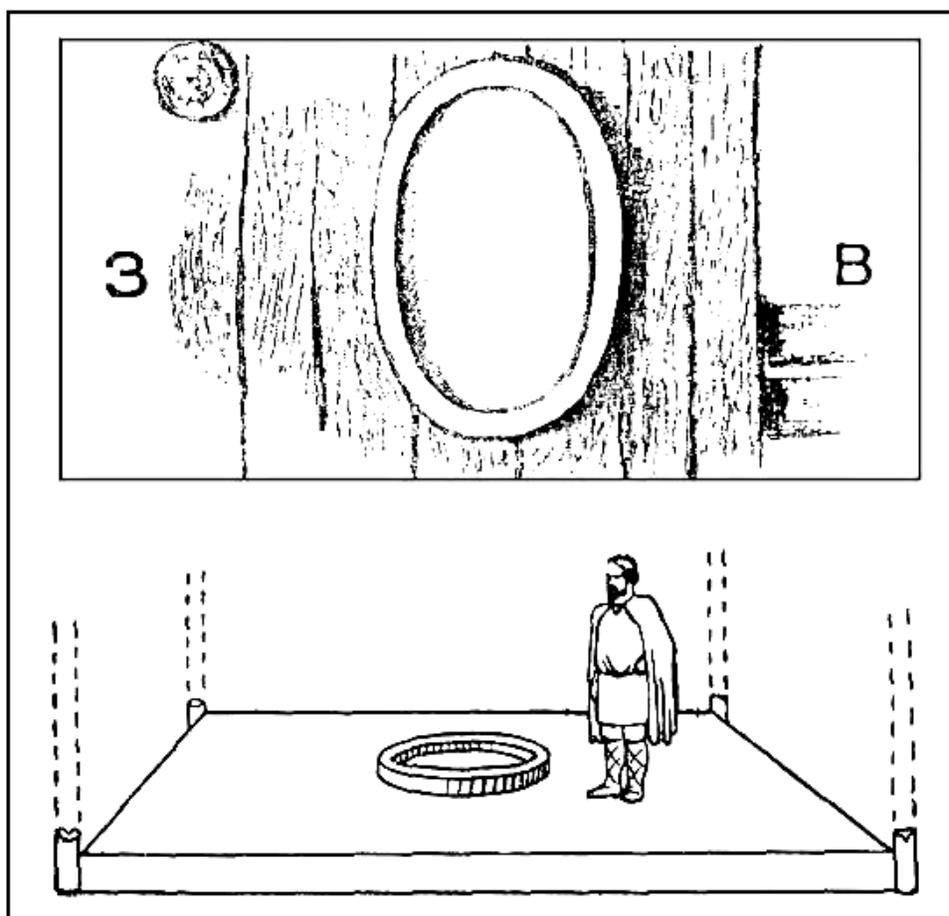
Серию подобных открытий продолжила Л.А. Евтюхова на Барвихинском городище⁶. Рядом с остатками жилища столбовой конструкции с каменным очагом она выявила сооружение («жертвенник») округлой формы (0,94x0,8 м), углублённое в материковый песок на 0,7 м, по краю которого были зафиксированы «борта» из валиков плотной обожжённой глины высотой в 7 см и толщиной до 10 см. В яме находилось несколько слоёв обожжённой глины, чередовавшиеся с обугленными кусками дерева, зафиксированы обугленные кости и куски керамики. На площади вокруг сооружения – угли и обожжённые кости, в том числе – череп лошади.

³ Гендуне Ю.Г. Указ. соч. – С. 274.

⁴ Городцов В.А. Старшее Каширское городище // Изв. Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК). – М.; Л., 1934. – Вып. 85.

⁵ Там же. – С. 44.

⁶ Евтюхова Л.А. Барвихинское городище // Советская археология. – 1936. – Т. III. – С. 116–117.

Рис. 1. Общий вид глиняного жертвенника (реконструкция В. А. Городцова) (см.: Городцов В.А. Старшее Каширское городище // Изв. Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). – М.; Л., 1934. – Вып. 85. – С. 17. – Рис. 6)

Впервые версию о некультовом характере подобных сооружений выдвинула Я.В. Станкевич, исследовавшая городища в урочище Подгай (верхнее течение Западной Двины) и у с. Михайловского (Жижицкое озеро)⁷.

На городище Подгай в нижней части культурного слоя автором были открыты 14 жилищ прямоугольной формы (3,2 – 3,6х2,8 – 3 м), столбовой конструкции, иногда на поверхности, иногда углублённые в материк (рис. 2). В сооружении № 9 был выявлен на глинобитном основании песчано-глинобитный очаг подковообразной формы, обращённый устьем в сторону от входа. В противоположном углу постройки – железоплавильная печь с рухнувшим глинобитным сводом, запол-

⁷ Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР. – Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). – М.; Л., 1960. – № 76. – С. 44–95.

ненная остатками шлака и железного сплава⁸. Городище датировано автором I – IV вв. н. э.

Я.В. Станкевич отнесла глиняные сооружения к обычным очагам бытового назначения, предназначенные для приготовления пищи, а функцию очагов-каменок из колотых и валунных камней, которые также были выявлены внутри жилищ, определила как преимущественно отопительную. Бортик в глинобитных сооружениях предохранял, по мнению исследовательницы, от рассыпания горячих углей и плах по полу жилищ⁹.

Я.В. Станкевич, однако, отметила, что в некоторых случаях очаг могли использовать и в ритуальных целях. К одному из жилищ, на городище у с. Михайловское, примыкало сооружение, прослеженное по единичным плахам и мелким камням. Внутри сооружения, вокруг глубокой ямы от столба на площадке диаметром 1,2 м было обнаружено скопление многочисленных костей животных – полный скелет молодой овцы, кости быка, бобра, зайца, совы, рыб, а на самом дне ямы – клык медведя с просверленным отверстием¹⁰. Я.В. Станкевич также обратила внимание на присутствие в комплексе находок с городищ многочисленных гранитных зернотерок (целых и во фрагментах, со следами сработанности), которые, как правило, располагались рядом с очагами, и железных серпов¹¹.

В 1947–1948 гг. С.А. Тараканова при раскопках в Пскове обнаружила в различных частях культурного слоя, близ сыродутных горнов, не менее 10 сооружений овальной формы из чистого речного песка, ограниченных небольшими, поставленными на ребро плитами, и отнесла их к «жертвенникам». Песок внутри них был сильно прокален, в прослойках угля и золы и рядом с сооружениями обнаружены целые горшки и скопления костей животных (в том числе целый скелет молодого жеребёнка), а также фрагменты льячек¹².

П.Н. Третьяков в 1954–1959 гг. в результате раскопок гор. Мокрядино (р. Сож, Верхнее Поднепровье) открыл два «блюда» округлой и подковообразной формы (диаметром 1 м), которые располагались на утрамбованной глиняной площадке (в слое, соответствующем нижнему слою Тушемли V–III вв. до н. э.)¹³. «Блюда» имели плоское дно (со следами огня) и вертикальные стенки (высотой 0,12 м), вылепленные из плохо промешанной глины с органическими примесями. Рядом с одним из сооружений зафиксирована кучка сильно пережжённых неопределимых костей, а внутри – обломки костей животных – зуб бобра, зуб волка, кости мелкого рогатого скота и обожжённая керамика. Сооружения были открытого типа и располагались вне построек.

П.Н. Третьяков отметил, что мало оснований относить сооружения к культовым. Функционально близкую им аналогию П.Н. Третьяков нашёл в больших глиняных блюдах с вертикальными бортиками, служивших для выпечки хлеба. По этнографическим материалам такие сооружения известны в Болгарии и Югославии, где получили названия «подницы»¹⁴. Когда нужно было печь хлеб, в блюде разводили огонь, после нагревания глины зола и угли выметались и в блюдо кла-

⁸ Станкевич Я.В. Указ. соч. – С. 48–49.

⁹ Там же. – С. 81–83.

¹⁰ Там же. – С. 74.

¹¹ Там же. – С. 89.

¹² Тараканова С.А. Новые материалы по археологии Пскова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1950. – Вып. XXXIII. – С. 214–215.

¹³ Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. – М.; Л., 1963. – С. 78–79.

¹⁴ Там же. – С. 79.

лись лепешки. В «подницах» не только пекли хлеб, но и подсушивали зерна, бобы и другие продукты. Такие блюда легко переносились с места на место.

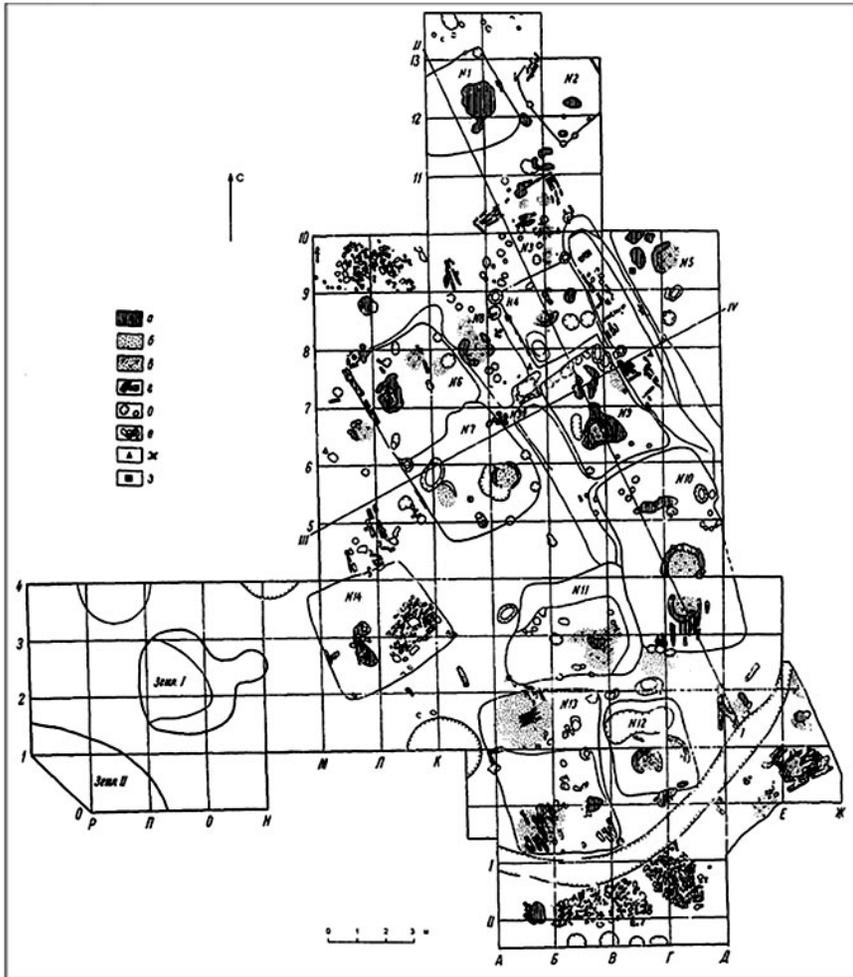

Рис. 2. Городище в ур. Подгай

(см.: Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // Древности северо-западных областей РСФСР. – МИА. – М.; Л., 1960. – № 76. – Рис. 31);

а – обожжённая глина; б – песок; в – обожжённый песок; г – горелое дерево;
д – ямки; е – камни; ж – места скопления костей; з – места находок зерноотёрок;

№ 1, № 2 и др. – номера жилищ

В 1970 г. появилась статья Р.Л. Розенфельдта, который систематизировал известные к тому времени находки подобных глиняных сооружений; автор предложил окончательно исключить их из числа «жертвенников» и отнести к очагам наземных жилищ дяковской культуры¹⁵. Территорией, с которой на городища по-

¹⁵ Розенфельдт Р.Л. О глиняных «жертвенниках» // Древние славяне и их соседи. – МИА. – М., 1970. – № 176. – С. 60–63.

пала такая форма очагов и откуда они были заимствованы, Р.Л. Розенфельдт назвал лесостепь скифской эпохи, где в VII–V вв. до н. э. были распространены подобные сооружения.

Одним из новейших открытий таких сооружений стали раскопки В.В. Сидорова на Мутёнковском городище (правобережье р. Оки, датировано автором VIII–II вв. до н. э.). Здесь были выявлены остатки жилищ срубной конструкции в центральной части площадки¹⁶. В каждом из жилищ был выявлен округлый или овальный очаг диаметром от 0,8 до 1,3 м, окомтуренный глиняным валиком; находки и угли в очагах отсутствовали. Тем не менее в пределах площадки городища были зафиксированы очевидные следы ритуальных действий: скопление из 20 челюстей шук, находки трёх черепов собак (в одном случае череп был заложен пирамидой из камней, в другом – был обнаружен под основанием стены дома), череп рыси, фрагмент бедренной кости человека в глиняной толще пола одного из домов, останки полных скелетов зайцев без голов и лап (также под глиняными полами домов)¹⁷. В составе находок с городища присутствовали многочисленные глиняные лячки, фрагменты глиняных литейных форм для отливки ювелирных изделий (в т. ч. с застывшим металлом), фрагменты «рогатых кирпичей», бронзовые украшения, железные ножи и шилья, многочисленные костяные орудия (наконечники стрел, гарпуны, остроги, проколки, булавки), «маска» из рога лося, грузики дьякова типа, подвески из клыков животных и другие предметы.

Проведённый историографический экскурс показал широту мнений относительно функции подобных сооружений. Вариативность взглядов в основном объясняется необычной формой и неожиданным комплексом находок. Дискуссионность понятна в силу отсутствия разработанного комплекса признаков различных археологических объектов, прежде всего культовых. Особенно трудно выявлять и анализировать культовые сооружения, которые не изолированы, а расположены в пределах других археологических памятников, в данном случае городищ. При этом неизбежна «размытость» и нечёткость признаков, что приводит к «потере» многих культовых объектов.

Следует признать убедительными доводы некоторых авторов о глиняных сооружениях как об обычных бытовых очагах. Однако целый комплекс признаков позволяет рассматривать такие объекты с точки зрения небытового назначения и анализировать их в другом информационном поле. Можно соотнести все имеющиеся сведения о таких сооружениях с разработанными признаковыми моделями ритуальных археологических объектов и выявить их место в системе культовых памятников лесной зоны Восточной Европы (табл.).

Определение культового статуса выявленного объекта возможно на основании присутствия следующих признаков¹⁸.

Модель структуры языческого святилища

¹⁶ Сидоров В. В. Мутёнковское городище // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. – М., 2004. – С. 109–127.

¹⁷ Там же. – С. 109, 113.

¹⁸ Свирин К.М. Археологические признаки языческих святилищ Восточной Европы VI–XIII вв. // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 2006. – Т. II. – С. 188–190.

Признаки первого уровня	Признаки второго уровня	Признаки третьего уровня (значения признаков)						
Предмет поклонения	естественный	дерево	камень	водоем	пещера			
	искусственный	скульптура	столб					
Культовые сооружения	ограждение	вал	ров	столбы	камни	стена	ямы	
	культовая постройка	храм	длинный дом	жертвенная постройка				
	жертвенник	яма	площадка	очаг	печь	алтарь	колодец	ящик
Жертвы	ритуальные остатки	коstriще	кости животных	кости человека	зерна злаков	шлак	янтарь	охрана
	вещи	орудия труда	оружие	украшения и детали костюма	вотивные предметы	посуда	предметы быта	снаряж. воина и коня

Предмет поклонения

Искусственный предмет поклонения. 1. Скульптура *in situ*. 2. Наличие предмета поклонения реконструируется по совокупности признаков: столбовая яма в центре площадки, огражденной валами, рвами, столбами, камнями, либо столбовая яма внутри небытовой и нежилой постройки – храма; рядом находятся жертвенники и жертвы (ритуальные остатки и вещи).

Естественный предмет поклонения. 1. Камень – часто повреждённый, с нанесёнными знаками, необычной формы (антропоморфный, зооморфный) или размеров (огромные валуны); иногда расположен в особой местности (гора, остров, лес). 2. Дерево – реконструируется крайне редко; выявляется либо по совокупности признаков (рядом комплекс вещей и ритуальных остатков), либо в уникальных случаях при соотнесении конкретного археологического святилища с данными письменных или этнографических источников. 3. Родник – наиболее распространённая форма почитания воды, часто ограждён камнями.

Культовые сооружения

Ограждение. Ров – вал. 1. Вершина вала и дно рва плоские; на них располагаются площадки из камня или глины с костями животных, посудой и следами длительного использования огня. 2. Под насыпями валов зольно-угольные слои с остатками костей, посудой. 3. Валы сопровождаются внутренними рвами. 4. Валы по высоте ниже центральной площадки памятника. 5. Необычное расположение: на крутом склоне или отделяют памятник от высокого коренного берега реки. 5. Особая конструкция рвов: небольшие углубления в виде сплошных кольцевых ровиков, лепестковых или серповидных ям.

Столбы и камни – явные виды сакральных ограждений, расположенные вокруг смыслового центра, особенно необычной формы или с нанесёнными знаками. Ямы – углубления с жертвенными вещами, костями и кострищами, расположенные вокруг смыслового центра – предмета поклонения.

Культовая постройка. 1. Отсутствие очага (отопительного устройства). 2. Конструкция, нехарактерная для жилища или бытового сооружения.

Жертвенник. 1. Яма, площадка, очаг, печь, ящик – определяются в основном по совокупности других признаков – комплекс жертвенных вещей и ритуальных остатков. 2. Алтарь – сооружение из нескольких камней или один камень, на котором иногда сохраняются следы от орудий. 3. Колодец – значительная по глубине яма, иногда со скрепляющими конструкциями, не достигающая воды.

Жертвы

Ритуальные остатки. Кострище (+другие элементы, связанные с символикой огня, – шлак, охра, воск, янтарь).

Кости животных. 1. Видовой состав – обычно бедный; часто с резким преобладанием 1–3 видов, среди которых часто бывают виды, редкие на поселениях. 2. Состав элементов скелета с резким преобладанием отдельных частей скелета (часто головы – черепа и дистальных частей). 3. Раздробленность костей очень незначительная, но бывают скопления кальцинированных костей. 4. Пространственное распределение: скопление целых черепов и целых костей, реже частей скелета, изредка целые скелеты, иногда кости или части скелета особым образом ориентированы относительно друг друга¹⁹.

Кости человека (аналогичное состояние с признаками 2 и 4 для костей животных).

Вещи. Вотивные предметы: антропоморфные и зооморфные фигурки; предметы культового литья (пластины с мифологическими сюжетами и образами); утилитарные предметы плохого качества (грубые формы или бракованные); утилитарные предметы, несинхронные комплексу (раритеты); миниатюрные формы утилитарных предметов; утилитарные предметы, встроенные в ритуал путём нанесения специальных знаков и символов.

Утилитарные предметы (орудия труда, оружие, украшения, детали костюма, предметы быта): скопление в пределах небытового комплекса (рядом с костями животных или человека, кострищем); фрагментированность (обломаны, разбиты, загнуты); неестественное расположение (воткнуты в землю, направлены в определённую сторону); особая форма (например, разомкнутость браслетов).

По представленной модели глиняные очаги на городищах имеют следующие признаки культовых объектов: жертвенник в виде очага, со следами кострища (обожжённые предметы, угли и зола), наличие в комплексе костей животных (прежде всего черепов) и их скоплений, отдельные кости человека (в том числе кости черепа), вотивные предметы (к ним могут быть отнесены миниатюрные глиняные горшки и бронзовые ложечки, фигурки животных, предметы с нанесёнными на них знаками), а также разные категории утилитарных предметов (часто фрагментированных или сломанных): оружие (наконечники стрел), орудия труда (зернотёрки, серпы, ножи), предметы быта (лячки, глиняные литейные формы), украшения (разные виды), посуда.

Мы не ставим перед собой цель попытаться расчлнить весь массив очагов на культовые и некультовые. Очевидно, что домашний очаг в разные хронологические периоды и у разных этносов служил местом отправления обрядов. Но поскольку такие сооружения обладают набором признаков ритуального объекта,

¹⁹ Косинцев П.А. Археозоологические критерии святилищ Урала и Западной Сибири // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии: Полевой симпозиум – Пермь, 1996. – С. 40–42.

можно рассматривать и анализировать их в общей системе ритуальных комплексов и работать с ними в новом информационном поле. Возможен анализ времени и места бытования такого типа культовых объектов, их конструктивных особенностей и связи с конкретными культурами.

Версия Р.Л. Розенфельдта (подобную идею выдвигал и В.А. Городцов) о происхождении такой формы очагов в южном регионе в скифское время подтверждается исследованиями И.П. Русановой. В итоговой работе она привела несколько типов жертвенников, характерных для лесостепи в скифскую эпоху: глиняные вымостки с рельефным орнаментом; цилиндрические возвышения с чашевидным углублением; глиняные тарелкообразные жертвенники; глиняные вымостки без орнамента; вымостки из камней, черепков, костей животных, а также простые кострища, на которых совершались жертвоприношения²⁰. Тарелкообразные глиняные жертвенники, обмазанные глиной и обожжённые, были распространены на Нижнем Дону и Северном Кавказе. Признаками жертвенников И.П. Русанова предлагает считать расположение в специальных культовых местах, в насыпях зольников, общественных зданиях или просто в жилых помещениях, в которых кроме бытовых очагов имелось ещё дополнительное жертвенное место и около которого оставались специальные дары, обычно в виде костей животных и человека²¹.

Возвращаясь к анализу глиняных очагов с городищ «дьякова типа», отметим, что комплексы находок свидетельствуют, вероятно, об отправлении рядом с очагами металлургических и земледельческих (либо в целом производственных) культов.

Культовая деятельность, несомненно, велась на многих городищах, что и демонстрирует проведённый анализ. Одновременно рассмотренная проблема является лишь частным эпизодом в сложной дискуссии о назначении городищ и их месте в общей системе древностей железного века и раннего средневековья лесной зоны. Накопленный материал позволяет рассмотреть разные версии относительно функции городищ.

1. Городище как укрепленное поселение и пункт коллективной обороны.

Отметим, что результаты раскопок многих городищ, расположенных на обширной территории лесной зоны, достаточно убедительно показывают наличие в пределах площадки остатков жилищ с отопительными устройствами (Настасьино²², Подгай, Михайловское, Варварина гора²³ и др.). Такой материал уже был рассмотрен ранее на примере раскопок Я.В. Станкевич городищ Подгай и у с. Михайловское и возвращаться к нему мы не будем. На наш взгляд, для доказательства поселенческой и оборонительной функции городища необходимо ответить на главный вопрос: зачем и почему строили оборонительные сооружения, от кого была необходима защита? Наиболее очевидным ответом представляется поиск врагов в иной этнической среде, претендующей на земли, занятые представителями дьяковской культуры. Одним из примеров может являться изменение в материальной культуре дьяковских городищ и исчезновение сетчатой керамики, связываемое некоторыми исследователями (П.Н. Третьяков) со смешением местного

²⁰ Русанова И.П. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – Черновцы, 2002. – С. 121–126.

²¹ Там же. – С. 121.

²² Энгватова А.В. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. – М., 2004. – С. 142–152.

²³ Буров В.А. Варварина гора. Поселение I–V и XI–XIV вв. на юге Новгородской земли. – М., 2003.

финно-угорского населения (раннедьяковская культура) с восточно-балтскими племенами (позднедьяковская культура)²⁴.

Вторую причину строительства оборонительных сооружений, вероятно, следует искать внутри самого дьяковского населения. По мнению В.И. Вишневого, «вопрос о частом разрушении городищ пришельцами остается пока не достаточно решённым. Захват их осуществлялся, видимо, этнически близкими соседями (во всяком случае, близкими по материальной культуре), так что при плохой стратификации культурных слоев смена культур не фиксируется»²⁵. В данном случае, на наш взгляд, необходимо определить предмет или явление, которое являлось безусловным благом для каждой конкретной группы (возможно, рода) и требовало защиты от соплеменников. Здесь мы находимся только в области гипотез. Но, учитывая уже проведённый анализ и связав глинобитные сооружения («жертвенники») с металлургическими и земледельческими культурами, рискнём предположить, что такое требующее охраны благо следует искать именно в данной области. Может быть, расширение роли земледелия в хозяйственном укладе дьяковского населения и получаемый от него продукт и являлся тем благом, которое требовало защиты. Не случайно некоторыми исследователями изменение системы оборонительных сооружений на дьяковских городищах связывается с периодом более интенсивного освоения земледелия. Средний этап дьяковской культуры III–II вв. до н. э. – II в. н. э., по мнению К.А. Смирнова, характеризуется расширением площадок и перестройкой укреплений на городищах; «в области хозяйства главной отраслью остается оседлое скотоводство. Резко возрастает значение земледелия, о чем красноречиво говорит большое количество серпов»²⁶. Возможно, освоенные вокруг городища земли были важным элементом производственной структуры, требующим защиты от соплеменников, потеря центрального пункта освоенного пространства – городища влекла за собой и потерю обрабатываемой земли. А осваивать новую территорию в другом месте было делом тяжёлым. Другим важным компонентом хозяйства на протяжении всего периода существования дьяковских древностей, требующим защиты, несомненно, был домашний скот. Кстати, валы, рвы, изгороди, вероятно, могли служить и чисто утилитарным потребностям – содержание скота в определённые периоды года (например, зимой) в одном месте, где он бы находился под постоянным присмотром и был защищён от хищников. Наконец, бронзолитейное и железоплавильное производства также, вероятно, были связаны с производством блага для коллектива и в определённые периоды требовали защиты. Возможно, этой социально значимой деятельностью (которая, вероятно, всегда носила сакральный характер) занималась особая группа внутри коллектива, которая могла проживать именно на городище и заниматься там производством орудий труда и украшений. Хотя, несомненно, следы металлургического производства отмечены и в пределах дьяковских селищ.

2. Городище как культовый памятник

Как мы уже отметили, домашние очаги-жертвенники и многочисленные жертвенники на поселениях – явление достаточно универсальное и зафиксировано

²⁴ Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 91.

²⁵ Вишневский В.И. Оборонительные сооружения и постройки позднедьяковского населения Верхнего Поволжья (I – V вв. н. э.): По материалам раскопок Кикинского городища // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2007. – Вып. 6. – Т. II. – С. 70.

²⁶ Смирнов К. А. Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 79.

на многих памятниках различной этнической принадлежности в разные хронологические периоды²⁷. Центральным объектом таких действий являлся очаг-жертвенник или жертвенные ямы.

Некоторые современные исследователи (М.Г. Гусаков) рассматривают городища как единую категорию археологических памятников с ритуальной функцией. Сама идея о городищах как святилищах, «жертвенных местах» была выдвинута ещё З.Д. Ходаковским в начале XIX в., когда впервые городища попали в поле зрения исследователей²⁸. М.Г. Гусаков приводит достаточно убедительные доводы в пользу того, что городища не могли являться пунктами коллективной обороны: нет источника воды на площадке городища; малые размеры площадки, которые не могли вместить всех людей с ближайшей округи и скот; песчаный грунт лишает прочной опоры все несущие конструкции; речные мысы и без дополнительной ограды защищены самой природой; основной строительный материал – дерево, и поэтому достаточно одной горящей стрелы, чтобы загорелась вся оборонительная система, а при отсутствии воды пожар не потушить²⁹. Отметим в свою очередь, что отрицание защитной функции городищ автоматически не переводит все городища в разряд культовых памятников.

В качестве аргумента в пользу культового назначения городищ автор предлагает по-новому проанализировать систему столбов, которые традиционно рассматривались исследователями в качестве элементов, входящих в защитную конструкцию памятников. Столбовые ямы, зафиксированные в конструкции вала, исследователи обычно считают остатками плетня или частокола из брёвен либо остатками вертикальных столбов, между которыми крепилась ограда из горизонтальных брёвен, иногда с земляным заполнением³⁰. М.Г. Гусаков предлагает рассматривать систему столбовых ям по краям городищ как остатки визирных столбов, которые были вмонтированы в систему ограды и представляли собой ориентационные маркеры годового движения Солнца и Луны (см. рис. 3)³¹. Наиболее развёрнуто гипотеза автора представлена на основании анализа городищ Тушемля (датировка слоёв V–III до н. э., III в. до н.э. – III в. н. э., VI–VIII вв., относится к днепро-двинской культуре и связывается с балтскими древностями), и Бабка (датировка слоёв VI–VIII вв., IX–X вв., раннеславянский памятник), расположенных в днепровском бассейне лесной зоны. Автор даёт следующую интерпретацию таких памятников: «Городище-святилище – специально выбранное и подготовленное место, где обработаны (эскарпированы) склоны, возведены валы (ограды), сооружены рвы, чтобы никто не мог нарушить “святое” место, особенно дикие и домашние животные. На площадке сооружают “хронометр”, устанавливают идолов, которых украшают присущими им знаками – черепами, личинами; под идолами зарывают, а также иногда хранят амулеты, дары, украшения и др. ... Городища не только ориентированы горизонтально на восходы/заходы светил, но и вертикаль-

²⁷ Свирин К.М. Святилища-жертвенники на территории Восточной Европы VI – XIII вв. // Вестн. Твер. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2007. – Вып. 4. – С. 47–58.

²⁸ Гусаков М.Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы: (Опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований. – М., 2001. – С. 133.

²⁹ Там же. – С. 132–133.

³⁰ Вишневецкий В.И. Указ. соч. – С. 70.

³¹ Гусаков М.Г. Археология – Археоастрономия – Календарь // Астрономия древних обществ: Материалы конф. «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре (SEAC) в рамках Объединенного Европейского и Национального астрономического съезда (JENAM). Москва, 23–27 мая 2000 г. – М., 2002. – С. 180.

но: ориентировка на созвездия или кульминации Солнца и Луны (особенно в её фазах). Место городища-святилища особенно тщательно выбирается ещё и потому, что само городище ассоциируется с “горой”, рядом с которой “вода” (река, озеро, болото)... Также немаловажно, чтобы городище было хорошо видно из ближайшей округи, чтобы знать, что происходит на нём и какое “событие” там совершается. Тщательный выбор места для городища-святилища даёт нам право думать, что оно выполняло роль “посредника” между жизнью земной и загробной³². Автор установил подсчётами, что в комплексе городищ дьяковской культуры «на 1 трёхвальное приходится 2 двухвальных и 4 одновальных» и что такое соотношение может означать иерархию святилищ: «1 трёхвальное святилище – главное фратриальное; 1 двухвальное – клановое, 2 одновальных родовых, семейных»³³. В систему доказательств культового назначения городищ автор включает весь набор вещей, которые встречаются на городищах (грузики с нанесёнными на них знаками, глиняные фигурки людей и животных, глиняные таблички с точками, миниатюрные сосудики, орнаментированная керамика, ритуальные глиняные хлебцы, пряслица, стрелы, топоры, копья, зернотерки) и относит эти предметы к «жертвенным». Наконец, проанализировав количественное соотношение особей диких животных, останки которых зафиксированы в слоях дьяковских городищ, М.Г. Гусаков пришёл к выводу, что на многих городищах лесной зоны количество убитых медведей и волков одинаково³⁴. Отметив, что незначительное количество особей на полностью раскопанных городищах явно не соответствует реальному количеству животных, убитых на охоте, автор предположил, что останки диких животных в слое являются остатками ритуальных действий – жертвоприношений, совершённых в финальный период существования городищ.

Два последних доказательства культового назначения городищ (жертвенные предметы и останки жертвенных животных) в концепции М.Г. Гусакова кажутся наиболее уязвимыми. Действительно, такие предметы, как наконечники стрел, зернотёрки, топоры, пряслица, встречаются в большом количестве на городищах и на селищах дьяковской культуры. Но недостаточно просто констатировать наличие таких предметов в слое, необходимо соответствие этих предметов определённым признакам (см. табл.) и присутствие их внутри очевидно жертвенных комплексов. Такую систему доказательств необходимо приводить в отношении каждого нового памятника. Также сомнительно выглядит интерпретация костей диких животных в слое как останков жертвенных животных. Только комплекс определённых признаков (видовой состав, части скелета, скопления костей в определённых комплексах и т. д.) может достоверно свидетельствовать о жертвоприношениях животных (см. табл.).

³² Гусаков М.Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы... – С. 148.

³³ Гусаков М.Г. Классификация городищ дьяковской культуры // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. – М., 2004. – С. 106.

³⁴ Гусаков М.Г. Археология – Археoaстрономия – Календарь... – С. 185.

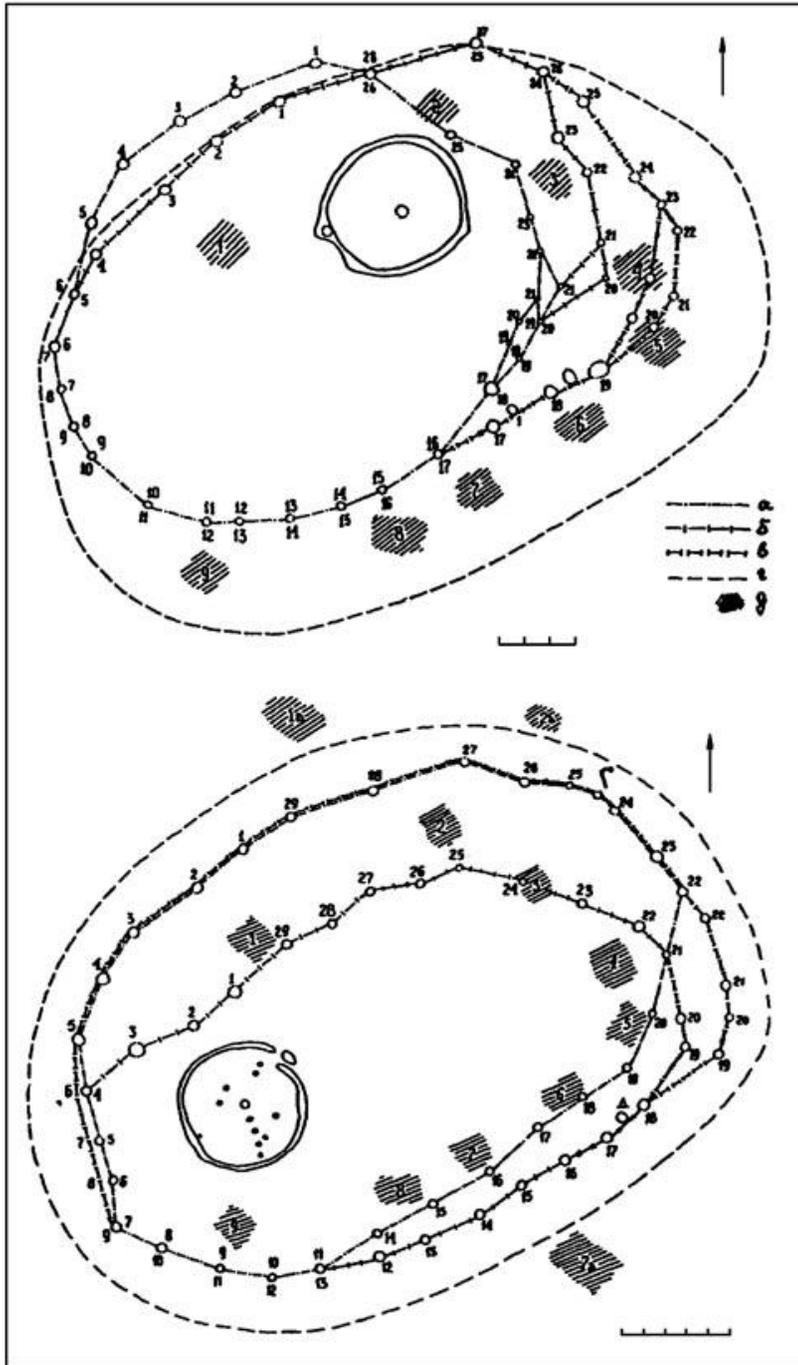

Рис. 3. Городище Туשמל (реконструкция М.Г. Гусакова)

(см.: Гусаков М.Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы: (Опыт археоастрономии)

// Практика и теория археологических исследований. – М., 2001. – С. 143. – Табл. 7:

1 – установка визирных столбов на площадке городища (ранний период);

2 – установка визирных столбов на площадке городища (поздний период).

а – ранняя линия столбов; б – вторая линия столбов; в – третья линия столбов;

г – поздняя линия столбов; д – кострище

Вместе с тем отметим, что исследования М.Г. Гусакова о назначении городищ, на наш взгляд, должны плодотворно отразиться на изучении дьяковской культуры в частности и городища как археологического объекта в целом. Многие доводы автора кажутся очень убедительными и объясняют некоторые непонятные моменты, связанные с изучением городищ: отсутствие на отдельных городищах культурного слоя, остатков жилых сооружений, явно необоронительный характер системы валов и рвов на целом ряде памятников, комплексы находок и т. д. Также убедительно выглядит реконструкция археоастрономической системы сооружений на городищах Тушемля и Бабка.

3. *Городище как погребальный памятник*

Проблема поиска и изучения погребальных памятников дьяковской культуры до сих пор актуальна. Хотя общее направление поиска определилось достаточно очевидно – грунтовые захоронения по обряду сожжения и т. н. «домики мёртвых», зафиксированные на городище Березняки на Верхней Волге (раскопки П.Н. Третьякова 1934 г.) и на городище около Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом (раскопки Ю.А. Краснова, Н.А. Краснова 1966 г.). Оба сооружения датированы авторами третьей четвертью I тыс.³⁵ На Саввино-Сторожевском городище остатки сооружения были зафиксированы в средней части площадки и представляли собой подпрямоугольное углубление в материке размером 2,0(С–Ю)х1,2 – 1,3 м, вдоль стенок которого были прослежены следы древесного тлена, вероятно, от брёвен сруба (рис. 4, 5)³⁶. В пределах сооружения были зафиксированы остатки не менее 24 погребальных комплексов, состоящих из скоплений обломков или почти целых сосудов и кальцинированных костей. По сведениям авторов количество костей никогда не превышало двух – трёх десятков, «на место захоронения переносилась, очевидно, лишь небольшая часть праха умерших, так что погребения носили в известной мере символический характер»³⁷. В сооружении были обнаружены несколько грузиков «дьякова типа», фрагменты бронзовых украшений – подвесок, миниатюрные сосуды, кости конечностей лошади. Авторы выделили четыре типа погребений: остатки сожжений в сосуде, прикрытом другим крупным сосудом, перевёрнутым вверх дном; остатки сожжения высыпались на поверхность и прикрывались установленным вверх дном сосудом; остатки сожжений высыпались на поверхность, а на них были брошены обломки одного или нескольких сосудов; остатки сожжения помещались в сосуде-урне. Исследователи памятника отметили, что в погребальном обряде и инвентаре прослежены элементы различных культур – «финно-угорской, очевидно, местной, и западной, вероятно, балтской, может быть уже осложненной славянским влиянием»³⁸.

П.Н. Третьяков относил «домик мёртвых» с городища Березняки к балтославянскому населению, Е.И. Горюнова и К.А. Смирнов считали два рассмотренных памятника типично финно-угорскими³⁹. Обобщив имеющиеся сведения, К.А. Смирнов предположил, что расположение «домиков мёртвых» на городищах не типично, и, вероятно, в двух рассмотренных случаях они были поставлены на

³⁵ Смирнов К.А. Погребальный обряд дьяковской культуры // Советская археология. – 1990. – № 2. – С. 51–53.

³⁶ Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 140.

³⁷ Там же. – С. 145.

³⁸ Там же. – С. 151.

³⁹ Смирнов К.А. Погребальный обряд дьяковской культуры... – С. 52, 59.

городищах уже после того, как эти поселения были покинуты жителями⁴⁰. Версия о наличии «домиков мертвых» за пределами поселений была подтверждена открытием А.Н. Башенькиным таких памятников в бассейне средней Мологи и Суды; автором они были датированы концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. и отнесены к дьяковским древностям⁴¹.

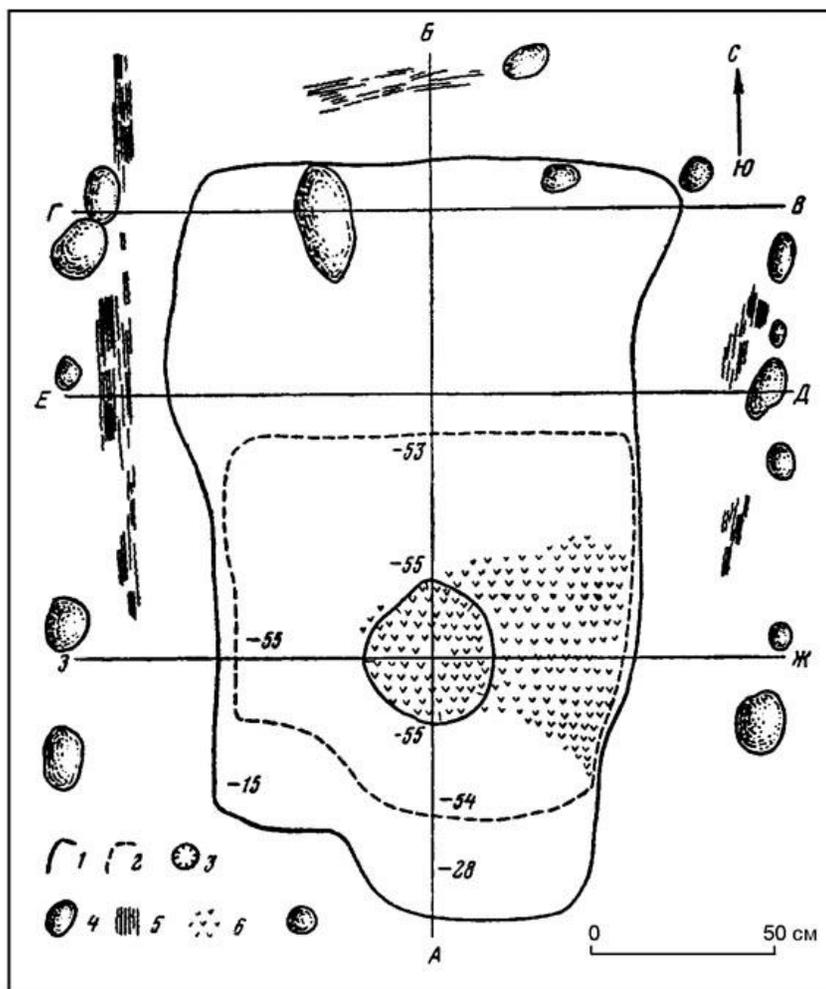

Рис. 4. План погребального сооружения на городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря

(см.: Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 141. – Рис. 1);

1 – контуры ямы сооружения на уровне материка; 2 – контуры дна ямы сооружения;
3 – очаговая яма; 4 – камни; 5 – древесный тлен; 6 – уголь

⁴⁰ Смирнов К.А. Погребальный обряд дьяковской культуры... – С. 54.

⁴¹ Башенькин А.Н. «Домик мёртвых» Куреваниха– XX в. Мологе // Древности Русского Севера. – Вологда, 1996. – Вып. 1. – С. 141.

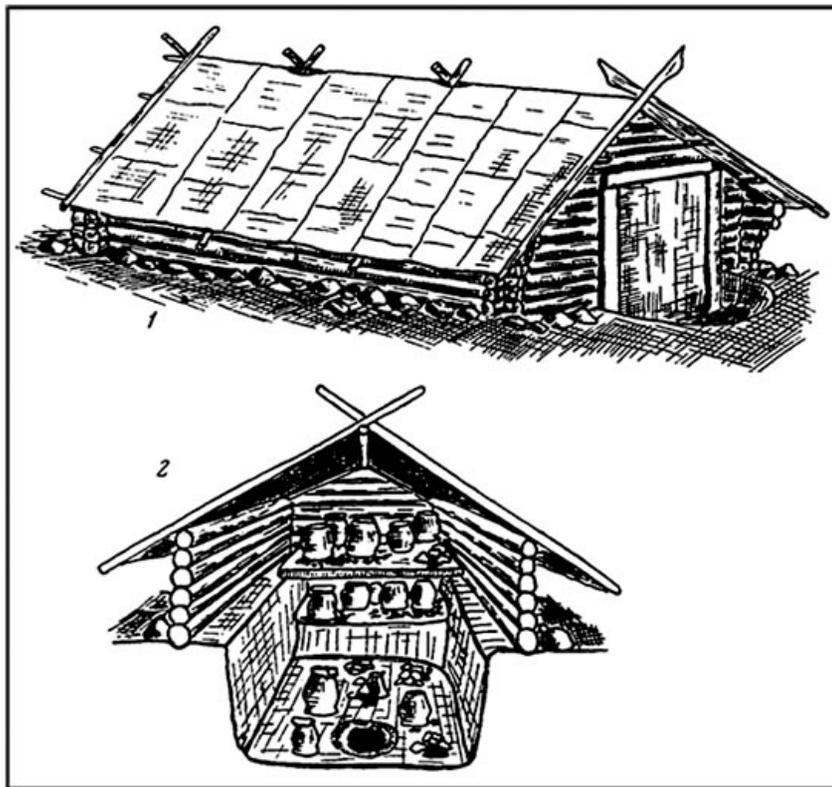

Рис. 5. Опыт реконструкции внешнего (1) и внутреннего (2) вида погребального сооружения на городище близ бывшего Саввино-Сторожевского монастыря (реконструкция авторов раскопок)

(см.: Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С. 143. – Рис. 3)

В 1999–2000 гг. было исследовано Ратьковское городище (верховья р. Дубны), где обнаружили остатки погребений с трупосожжениями и инвентарем, которые залежали по всей толще культурного слоя. Авторы (В.И. Вишнеvский, Н.А. Кирьянова, М.В. Козловская) датировали комплекс в широких пределах – от VI–VII до IX–X вв. и отнесли его к смешанному финно-угорскому и балтскому населению⁴². Исследователи выявили, что кремации осуществлялись на стороне; кости людей и животных (сжигались отдельно) очищались от углей и золы и измельчались, а затем ссыпались вокруг небольших ям, куда также помещали продукты, связанные с тризной (сожжённые и обугленные зерна пшеницы, ячменя, гороха), а потом помещали погребальный инвентарь: фрагменты разбитых сосу-

⁴² Вишнеvский В.И., Кирьянова Н.А., Козловская М.В. О погребальном обряде финно-угорского ранне-средневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2007. – Вып. 6. – Т. II. – С. 158–165.

дов, наконечник стрелы, шилья, фрагмент ножа, литейные формы и многочисленные украшения.

Приведённые данные показывают, что некоторые городища, очевидно, являлись местом погребения умерших. Однако изученные комплексы датированы достаточно поздним временем и характеризуют поздний этап дьяковской культуры (середина – третья четверть I тыс. н. э.). Наличие более ранних очевидных погребальных комплексов на городищах «дьякова типа» пока сомнительно. Хотя нужно отметить, что на одном из наиболее полно изученных дьяковских городищ Настасьино (датировано VII–VI вв. до н. э. – I–II вв. н. э.)⁴³, в полах некоторых жилых сооружений, в ямках, были зафиксированы остатки человеческих кремаций, совершённых на стороне⁴⁴. Вспомним и о находках отдельных костей человеческого скелета в слое ранних дьяковских городищ – Старшего Каширского, Мутёнковского и др.

Проведённое исследование позволяет взглянуть на городища разных культур железного века и раннего средневековья лесной зоны совершенно по-иному. Городище представляется нам особым уникальным явлением, которое на протяжении почти двух тысячелетий играло важную роль в жизни финно-угорского, балтского, а затем и славянского населения. Городище, несомненно, являлось *социально значимым организованным пространством*, которое в зависимости от обстоятельств выполняло разные функции – поселение и производственный центр, святилище, место погребения умерших. Именно в городище утилитарная идея защиты от опасности (валы, рвы, изгороди, стены), вероятно, часто совмещалась, а может быть и была вытеснена, абстрактной идеей символической условной границы, отделяющей своё от чужого, освоенное от неосвоенного, священное от мирского. По сути, совмещение всех трёх основных функций, их усложнение и развитие на фоне постоянных культурных импульсов извне в дальнейшем могли породить такое уникальное историческое явление, как город. «Город, как и всякое поселение и всякое святилище, не мог возникнуть на любом свободном месте. Такой произвольный выбор был бы противоестественен для людей... чувствовавших свою неразрывную связь с силами природы... Для поселения выбирали совершенно определённые участки земли, не просто отвечавшие основным человеческим потребностям, но и обнаруживавшие наиболее плодотворные связи с силами природы. Отсюда максимальная функциональность этих участков и неременная сакральная их значимость... Не случайно, что находились эти участки чаще всего на возвышенностях и вблизи крупного источника воды, открытого или скрытого, подземного»⁴⁵. Несомненно, что многие элементы топографии и функционального назначения отдельных элементов структуры будущих городов были уже освоены в предшествующее «городищенское» время.

⁴³ Энговатова А.В. Указ. соч. – С. 151–152.

⁴⁴ Доклад М.В. Добровольской на IV Тверской (Международной) археологической конференции (март 2008 г.).

⁴⁵ Никулина Н.М. Город на стыке Востока и Запада во II–I тыс. до н. э.: (Акрополь как центр и связующий компонент) // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М., 1995. – С. 76.

К.М. Svirin

«DYAKOVO TYPE» HILLFORTS: TO THE QUESTION OF THEIR FUNCTION

Summary

The article deals with the problem of different functions of the «Dyakovo type» hillforts. In the author's opinion hillforts were the unique phenomenon on the territory of the East-European forest zone in the period of the Early Iron Age and the Early Middle Ages. The author comes to conclusion that hillfort was a socially significant space and it carried out different functions depending on circumstances: settlement or industrial center, burial place or sanctuary. The ritual function of hillforts was analyzed in more details.